

Елена Аболишина

СТРАЖИ РАВНОВЕСИЯ:
ПРОБУЖДЕНИЕ

Елена Аболишина

Стражи равновесия. Пробуждение

«Автор»

2026

Аболишина Е. В.

Стражи равновесия. Пробуждение / Е. В. Аболишина — «Автор»,
2026

Накануне нового учебного года жизнь обычной студентки Серафимы переворачивается с ног на голову. Случайная встреча с братом однокурсника и загадочное послание становятся отправной точкой череды невероятных событий. Какую тайну скрывают родители девушки? И какую роль играет в загадочных событиях ее одногруппник Стас? Серафиме и Стасу предстоит разобраться в своём предназначении, подчинить пробудившуюся Силу и дать отпор Тьме. Но хватит ли им сил и мудрости, чтобы не допустить катастрофы — и не разрушить при этом собственные судьбы? Повесть погружает читателя в мир, где магия переплетается с повседневностью, а выбор каждого героя может изменить ход истории.

© Аболишина Е. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Серафима	5
Глава 2. Стас	10
Глава 3. Тайна	16
Глава 4. Машка	22

Елена Аболишина

Стражи равновесия. Пробуждение

Глава 1. Серафима

Глава 1 . Серафима

1.

Это был один из тех августовских дней, когда остро осознаешь, что лето на исходе. Жаркое солнце светит еще по-летнему, но в тени уже дышится легко и прохладно.

На залитой солнцем набережной было безлюдно. Жара середины дня прогнала с улицы мамочек с колясками и бабушек с лыжными палками, собачники и спортсмены отправились по кондиционированным офисам. Только у мостков пруда плескались несколько подростков, стараясь в последние перед школой дни насладиться уходящими вслед за летом каникулами.

По дорожке для бегунов и велосипедистов, отделяющей одних от других широкой белой «сплошной», шла девушка. Ее синие «лягушки» ступали точно на полосу. Подол голубого легкого платья развевался на ветру. Светлые волосы свободно струились по спине, едва доставая до лопаток. Чуть позади нее, то и дело ныряя в кусты, бежала небольшая лопоухая собака. Громадные стоячие уши поворачивались локаторами, выискивая малейшие звуки, мокрый нос периодически шевелился, вынюхивая, читая, узнавая новости, которые случились здесь с ее последнего посещения, белая с рыжими пятнами шерсть играла солнечными бликами.

Солнце зажигало пшеничные искорки в белокурых волосах девушки, пересчитывало золотистые веснушки и обновляло румянец на щеках. Серафима, так звали девушку, шла, стараясь наступать четко на белую полосу. Полоса вела вперед, звала туда, где дорожка скрывалась в зеленом сумраке липовой аллеи. Серафима всей кожей впитывала солнечное тепло, наслаждалась ветерком, изредка налетавшим на путников. Энергия наполняла каждую клеточку ее тела. Кажется, еще немного, и ритмичный шаг перейдет в бег или танец. Серафиме хотелось раскинуть руки и побежать, быстрее и быстрее, пока ноги не оторвутся от земли. Хотелось подняться над парком, набережной, аллеями, розовыми клумбами, лавочками и прудом. Она хотела парить, купаясь в солнечном свете, ловить руками теплые земные потоки, чувствуя спящей близкую прохладу облаков. Чтобы иллюзия стала реальней, Серафима прищурила глаза, раскинула руки и пошла по белой полосе как по канату. Девушка растопырила пальцы и почувствовала, как потоки воздуха омывают ее пальцы, ладони, руки. Запахло мятой и свежескошенной луговой травой. Кончики пальцев порозовели под солнечными лучами, и, казалось, ветер запутался в них.

Жесткие когти коснулись ноги, на бедро навалилась тяжесть. Собака решила, что хозяйка хочет поиграть, и стала прыгать, пытаясь достать ладонь девушки.

– Марта, Марта, ну перестань! – голос девушки говорил о том, что она совсем не сердится и тоже готова включиться в игру. Собакена уловила настроение хозяйки и ракетой понеслась по широкому кругу, центром которого была Серафима.

Девушка разулась и пошла к лавочке, стоящей под большим раскидистым серебристым тополем. Тополь и лавочка стояли отдельно от других деревьев в парке, чуть в стороне от беговой дорожки, прямо на газоне. Дерево выросло тут задолго до того, как построили дома и разбили парк. Его толстый, в три обхвата, ствол покрылся бороздами темно-серой коры, а слева от скамейки чуть выше человеческого роста виднелось небольшое дупло. Раскидистые ветви нависали над лавочкой изумрудно-серебристым шатром. Почему решили оставить это дерево, кто поставил под ним лавочку – неизвестно. Самым загадочным было то, что лавочку не облюбовали ни мамышки, ни пенсионеры, ни подростки. Трава вокруг была мягкая и густая, никакой

тропинки не было протоптано вездесущими гуляющими гражданами от асфальтовой дорожки до лавочки. Даже садовники не стригли здесь газон. Стриженная почти под корень тимopheевка ближе к дереву незаметно переходила в мелкий клевер с белыми головками и гусиные лапки, делая из обычной травы шелковистый ковер.

Трава приятно щекотала голые ступни. Серафима пошевелила пальцами, глубже зарывая их в нежные листики. Тонкие нити-лучи, пробившись сквозь густую листву, наполняли пространство мягким, золотистым светом, делали полумрак тени чуть мягче, туманнее.

С лавочки открывался обзор на центральную часть парка с набережной, которая тянулась вдоль пруда, постепенно переходящего в речку. Марта перестала снова по кустам, рыть ямы и охотиться на кузнечиков в траве, прискакала к хозяйке и села перед ней, наострив свои уши-локаторы и глядя на обожаемую хозяйку карими в черную обводку глазами. Уголки пасти приподнялись, и, казалось, что она улыбается.

– Иди сюда! – хлопнула ладонью Серафима.

Собака легко запрыгнула на лавку, лизнула в знак признательности нос хозяйки, и, повозившись, улеглась рядом на прохладные дощечки.

Рассеяно перебирая шерсть на загривке своей любимицы, Серафима смотрела на залитую солнцем набережную. Здесь, под деревом, было тихо, уединение нарушал лишь ветерок, привлеченный тем, что лавочка перестала пустовать. Удивленно пошептавшись с серебряными листьями, спустился вниз и тихонько подул в белокурый затылок. Серафима уловила дуновение, слегка тряхнула головой. Ветер решил не тревожить девушку и унесся морщить водную гладь на пруду.

2.

Серафима размышляла. Вернее просто позволяла мыслям возникать у себя в голове и уплывать, уступая место другим мыслям.

Десять дней свободы, и начнется новый семестр в институте. Коридоры заполняют толпы студентов, снующих туда-сюда, вечно спешащих и одержимых фикс-идеями свинтить с лекций куда-нибудь, может в этот самый парк, пройтись по дорожкам, покормить уток и посидеть в маленьком кафе на окраине парка. Но, как правило, их воображение дальше комнаты в общежитии и «хлопнуть пивка и поржать» не заводило. Придурки.

Серафима вспомнила рыжего лохматого Стасика в его вечной хлопчатобумажной рубашке в клетку. Когда было тепло, он закатывал рукава, когда холодало – надевал под нее футболку, а когда становилось совсем холодно, то из-под толстовки выглядывал все тот же знакомый красно-синий клетчатый воротник. Стасик был немного «не от мира сего». Он не был ботаном в худшем смысле этого слова. Он был разгильдяем, которого любили все – от девчонок-первокурсниц до солидных дам-преподавателей, даже почтенные профессора прятали улыбку за напускной строгостью, говоря: «Миронов, пора бы уже повзрослеть!» Идя по коридору, он задевал углы, толкался в столовой, разливая компот, и ронял книги под ноги девчонкам и преподавателям. Однако, среди парней он был «за своего». Падкие на то, чтобы кого-нибудь потроллить, парни курса здоровались с ним за руку, дружески хлопали по плечу, звали с собой на вечеринки и пивные загулы. Он вежливо отказывался, и убегал в библиотеку. Парни прощали ему неловкость и рассеянность и не замечали его интереса к белобрысой однокурснице с серьезным, чуть мечтательным выражением в глазах.

С самого первого дня учебы Стас во все глаза пялился на Серафиму. Его разворачивало к ней на переменах, на общих лекциях. Он постоянно встречался ей в библиотеке, даже на практику они попали в один архив. Девчонки подшучивали над Серафимой:

– Смотри, смотри, Миронов опять тобой любитесь!

Серафима смущалась и сердилась на подружек за бестактность, а на Стасика за его одержимость ею. Он ей ну ни капельки не нравился! Вообще-то, ей нравились парни совсем дру-

гого склада. Такие, например, как Влад с третьего курса – жгучий брюнет с пронзительным взглядом, серьгой с черным камнем в ухе, рассекающий на громадном, тоже черном, байке.

На втором курсе Станислав Миронов неожиданно перешел к ним в группу, и его одержимость Серафимой постепенно прошла. Теперь он сидел в противоположном углу аудитории, чуть сзади Серафимы. И его не разворачивало каждый раз, когда она проходила мимо. После первого семестра Иван Глухов, староста курса, перевелся в другой ВУЗ, и Стасик занял его место. Он умудрялся учиться на пятерки, прогуливать лекции, блистать на семинарах неожиданными, неизвестно где вычитанными, идеями. Иногда пропадал на неделю или две, потом появлялся, каждый раз немного другой. Молча сидел на лекциях, уткнувшись в смартфон, так же угрюмо отмалчивался на семинарах. Преподы безуспешно пытались его расшевелить, ставили ему двойки: «Придется отрабатывать, Миронов!» Он рассеянно кивал, продолжая хмуро поглядывать на экран гаджета. Потом смартфон тренькал, присылая долгожданное сообщение, и Стасик, как по волшебству, становился прежним – веселым, рассеянным студентом.

Однажды, после его недельного отсутствия, Серафима заметила, что его глаза из карих стали зелеными. Она поделилась этим наблюдением с подружкой Машкой. Машка единственная из группы не высмеивала странную молчаливую связь между Серафимой и Стасиком.

- Ну и что, это линзы. Обычное дело, – Машка открыла банку колы и шумно отхлебнула пенную сладкую фигню. – А ты сама спроси у него!

Подружка хитро прищурилась, но выдержать нужную паузу ей помешали пузырьки выпитой шипучки. Смешно зажмурившись, Машка чихнула и засмеялась своим совершенно потрясающим заливистым смехом. Она смеялась безудержно, заразительно, и Серафиме казалось, что ничего в этом мире не может стереть с лица подруги широкую улыбку в тридцать два брекета и выключить ее смех. И еще она без слов и оправданий поняла, что смеется Машка не над ней и ее робостью перед Стасиком, а над тем, как смешно пузырьки щекочут у неё в носу. Что и говорить – подруга умела радоваться жизни.

Марта завозилась, спрыгнула со скамейки, ненадолго прервав мысли Серафимы, и умчалась присесть под кустик и побегать за бабочками. Мысли девушки, как те бабочки, едва улетев, вернулись опять.

Вот Машка. Серафимина подруга. Они познакомились еще на ЕГЭ, сначала стояли рядом в толпе одиннадцатиклассников, ожидая вызова на экзамен, потом оказались в аудитории за соседними столами. И практически одновременно сдали свои работы. Выйдя из аудитории, Машка получила назад свое добро, выудила из недр огромной джинсовой сумки бутылку колы и протянула напиток Серафиме:

– Будешь? Я – Машка!

– Спасибо, нет. Я Серафима, – так они и познакомились.

Тогда их знакомство продлилось недолго – до выхода из здания. Там новую знакомую окликнул невысокий коренастый парень в тельняшке без рукавов и с синим парашютом на тугом выпирающем бицепсе. Под парашютом было выбито «ВДВ». Машка, махнув на прощание Лорке рукой «увидимся!», укатила с ним на невообразимо грязном УАЗике. Второй раз они встретились в приемной комиссии пединститута, когда подавали документы на истфак, а когда оказались в одной группе, уже не расставались.

Машка была небольшого роста, не сказать, что полненькая, но какая-то вся крепко сбитая, аккуратненькая, слегка широковатая в кости. Она легко могла сесть на шпагат, встать на мостик. Зачеты по физкультуре сдавала «не парясь», легко и весело. Два слова, которые можно было применить ко всему, что делала Машка – «легко и весело». Одевалась она в то, на что утром упал ее взгляд. Но, как бы нелепо ни сочетались цвета и стили наряда, на ней всё было уместным. Иногда Серафиме казалось, что вокруг нее скачет ярмарочный паяц. Не хватало только колпака с бубенцами, но Серафима подозревала, что он у подруги имеется – хранится где-нибудь в дальнем углу шкафа.

3.

Размышления Серафимы грубым образом прервала шишка, упавшая на колени. Серафима уставилась на шишку, потом нашла взглядом собаку, резвившуюся на траве. Марта была далеко – шишку не докинёт. Странно.

И тут сверху раздался смех. Серафима вздрогнула, резко вскинулась, подняв голову.

На нижнем суку тополя, метрах в двух над землей, сидел пацан лет десяти. Рыжий. С карими глазами и в рубашке в синюю и красную клетку. Что-то в его облике девушке показалось очень знакомым. Словно она давно знает этого пацана.

– Что застыла? Привет! – мальчик потер друг о друга загорелые до черноты, а может и не совсем чистые, в цыпках, босые ступни, – испугалась? Брат говорил, что ты пугливая.

Брат? Серафима вспомнила рыжие вихры и клетчатую рубашку. Стас. Серафима облегченно выдохнула и улыбнулась.

– И как тебя звать?

– Игорем. Но можно и Гариком. Стас зовет меня Гарик, друзья Игоряном, а мама: «горе ты мое». – Гарик свел выгоревшие бровки домиком, глубоко вздохнул и прижал ладони, сложенные лодочкой к груди. Серафима прыснула. Гарик отыграл свой маленький спектакль, подмигнул и спрыгнул с дерева прямо на скамейку.

В воздухе разливалось жаркое тепло, пахло хвоей и нагретой смолой. Серафима удивленно посмотрела вверх – не выросла ли вместо тополя сосна? Но нет, тополь все также склонялся над ними свои серебристые резные листья.

– Не парься, это от меня пахнет. – Гарик наблюдал за девушкой, лукаво щурясь на нее снизу вверх, – ну мама мне шампунь такой купила хвойный.

Серафима перевела взгляд на копну рыжих волос мальчишки. Расплавленным золотом они переливались на солнце, вспыхивали медовыми и янтарными искрами. Густые кудри лежали так, как им хотелось, куда уложила их матушка-природа. Как-то совсем некстати вспомнился Тициан.

Словно в ответ на ее мысли, Гарик вздохнул и закатил глаза: «девчонки!».

– Ладно, некогда мне тут с тобой мечтать, – басовито пробурчал малец. – Ты это, слушай сюда.

Гарик поманил ее согнутым пальцем с обкусанными ногтями и, оглядевшись по сторонам, словно их могли подслушать на этой поляне, где кроме них, никаких людей больше не наблюдалось, заговорческим тоном начал шептать:

– Выйдете на учебу, у вас практика будет. Так ты это, запишись на практику в Берёзовскую школу!

– Так ведь практика музейная! – Серафима удивленно уставилась на пацана, – я в усадьбе графа Панина хотела ее проходить. Там музей хороший, хранилище, библиотека документов много.

Гарик поболтал ногами и пожал плечами: – В школе тоже музей есть. Знаменитых земляков. – Серафима фыркнула.

– Не «фррр», а Стас сказал, чтоб в школу записалась! В Березовскую!

– Да где эта ваша Березовская школа? У черта на куличках?! – Серафима потеряла терпение. Ребенок оказался на редкость упрямым.

Девушка не любила, когда ее вынуждали делать то, чего она не понимала. Внезапно налетевший ветер подул прохладой, разогнал душный хвойный аромат, принес откуда-то ароматы мяты и скошенной травы.

– Ой раздухарилась-то как! Торопыга! – ребенок отреагировал на ее нетерпение совсем не так, как она ожидала. Задавить авторитетом девятнадцатилетней дерзкого десятилетку не получилось. – Средняя школа сельского поселения Березово. Из города туда маршрутка ходит. Не бойсь, от мамки недалеко уедешь!

Гарик спрыгнул с высокой скамейки, подтянул штаны, поправил клетчатую рубашку и добавил, опять оглянувшись по сторонам:

– Да, и это Берегись ворон! Ну, не доверяй, значит! – крутанулся на пятках, побежал через лужайку, по газону, туда, к синей глади пруда, где слышались голоса купающихся подростков. Его белобрысая голова ярко выделялась на зеленом фоне газона. Белобрысая?! Пацан же огненно-рыжий! Серафима зажмурилась, потом протерла глаза. Но на лужайке уже никого не было. Только там, у пруда, кто-то кричал:

– Игорян, айда к нам! Пошли раков ловить!

– Следуй за белым кроликом. – Серафима, сама не зная почему, вспомнила эту фразу из любимой книги.

И тут, словно ветер принес, над ухом прошептали:

– Ну ты все правильно поняла

Тренькнул забытый смартфон. На экране оранжево светилось новое сообщение «Не забудь, Березовская средняя школа!» В отправителях сообщения значилось «ГАРИК».

Серафима вспомнила фразу из старого сериала.

– Да придет с тобой сила, - растерянно пробормотала она, глядя на экран. Опять бликнул мессенджер. В этот раз на экране появилась подмигивающая веселая рожица и «СПАСИБО!»

Серафима медленно встала с лавочки. В носу плескался ментол. Поняв, что может грохнуть в обморок, глубоко вдохнула, подставила вспотевший лоб услужливо налетевшему ветерку и подозвала собаку.

– Марта! Марта! Ко мне! – собака, вспомнив про хозяйку, стремглав помчалась к ней. – Пошли домой! Домой!

Девушка и собака пересекли беговую дорожку, вышли на Центральную аллею парка, и, пройдя сотню метров, свернули на боковую, выложенную старым кирпичом, дорожку. Дорожка привела их к старинному мостику через речушку, в которую превращался пруд. Между замшелыми плитами моста пробивалась трава. Перейдя речку, парочка вскоре вышла на дорогу, ведущую к видневшемуся неподалеку жилому микрорайону, построенному несколько лет назад на жилищные сертификаты военных, вышедших в отставку.

Глава 2. Стас

Глава 2. Стас.1.

Виляя, как заяц в неведомом лабиринте, по пыльной улице заречного поселка бежал мальчуган в клетчатой рубашке. Полы рубахи были подвернуты и по выпирающим буграм можно было опознать яблоки из ближайшего сада. Брюки Гарика, ибо это, как вы уже догадались, был именно он, мокро темнели именно в тех местах, которые у малышей предполагают небольшой конфуз, а у людей постарше наводят на догадку, что человек только что купался и как был в мокрых плавках, так и натянул на них штаны. Гарик причислял себя к людям взрослым и «конфузиться» перестал уже очень давно.

Добежав до старого, ещё довоенного, двухэтажного дома, Гарик свернул во двор. Массивная кованная калитка была распахнута, такой же забор кое-где был срезан ещё в 90-е годы предприимчивыми охотниками за металлоломом, но кирпичное основание забора и квадратные колонны ворот сохранились хорошо. За ними ухаживали – места, где старая желтая штукатурка осыпалась, заботливо замазаны цементом, а кое-где виднелась современная кладка. Заросли американского клена вдоль забора скрывали от посторонних глаз двор. Сквозь пролет калитки видно было, что пыльная дорога улицы во дворе переходит в мелкую зеленую травку. В глубине двора, у сарая, по-совместительству бывшему гаражом, высокий рыжий парень, сидя на дубовом бревне, ремонтировал велосипед. Парень коротко глянул на младшего брата и вернулся к погнутым спицам колеса.

– Стас! Стас! Смотри, что мне дядь Леша дал! – Гарик показал на бугрившийся живот.

– Мамка теперь пирог спечет! А ты что, мой велик чинишь? Ух, ты!

Пацан во все глаза уставился на волшебный процесс превращения рухляди в транспортное средство. Его рука, больше похожая на куриную лапку, ослабла, и золотистое с розовым боком яблоко выпало из подвернутой рубашки, прокатилось между колес велика и уткнулось в босую ногу парня.

Стас не спеша отложил плоскогубцы, поднял яблоко, потер его об рубашку. Яблоко засветилось золотистым блеском, сквозь тоненькую кожицу просвечивала медовая мякоть.

– Дядь Леша, говоришь, угостил? А он знает об этом? – карие с золотыми искрами глаза добродушно прищурились, и лицо парня осветила легкая улыбка. Казалось, он хотел казаться строгим, но любовь к младшему брату и легкий добрый характер мешали ему всерьез на него сердиться. Стас надкусил яблоко и в нос ему ударил свежий медовый аромат, а рот наполнился сладким соком. Прожевав хрустящую мякоть, он вопросительно уставился на Гарика: – Ну? Видел её? – Кого? Гарик нарочито широко раскрыл глаза и вопросительно поднял брови. Но его актерства хватило буквально на секунду. Обожаемый брат ждал вестей, и Гарик был счастлив помочь ему. – Да видел, видел Гарик метнулся в сарай, вытащил оттуда эмалированную миску и высыпал изрядно надоевшие ему яблоки. Отряхнув от листьев и мелкого сора рубашку, он уселся рядом с братом: – Ну, я скажу тебе, она и фьююю... – присвистнул синицей и искоса поглядел на брата. Тот снова вернулся к велосипеду. Лишь глаза из золотисто-карих стали почти зелёными. – Красивая, но какая-то слишком бледная И пугливая, ты точно сказал! Как она вскинулась, когда я ей сверху шишку кинул! – Гарик вспомнил недавнюю встречу в парке и засмеялся залихватистым смехом пацана, голос которого еще не начал ломаться. – В общем, передал я ей про практику и про школу сказал. – А она что? – голос Стаса был спокойным, словно его волновал совсем не ответ брата, а непокорная спица колеса. – Да что, сначала брыкалась: «что» да «почему», потом – Гарик запнулся на секунду, – ну, в общем, я ей все передал. И про вороньё тоже. Только она мне не поверила. Гарик повернулся всем телом и посмотрел на брата: – Слушай, она что, ничего не знает? Стас молча покачал головой, продолжая возиться с велосипедом. – Во, блин! А я ей менталку кинул. – Гарик испуганно посмотрел на

брата. – и что теперь будет?– Да ничего не будет. С этим пусть ее семья разбирается. Это их проблемы, что она до сих пор непосвященная. Рано или поздно все равно узнала бы... Только бы не слишком поздно.

Последние слова Стас пробормотал почти слышно, нахмурился и уставился куда-то, сквозь приунывший велосипед, который своим десятым механическим чувством понял, что не быть ему сегодня починенным. Пригорюнился и Гарик. Подперев ладошкой подбородок, обнимая другой рукой тазик с ворованными яблоками, задумался он, каково это – не знать о том, кто ты и для чего пришел в этот мир. Так и застала их мать – сидящих рядышком на бревне и погруженных каждый в свои невеселые мысли. Остановившись в дверях дома, она несколько мгновений смотрела на сыновей. Вся гамма материнских чувств отразилась на ее лице. Она гордилась старшим и оберегала младшего. Она знала, что сыновья достойны своего рода и своих предков. И понимала, что путь, который им уготован, будет труден и тернист, даже опасен. Глубоко вздохнув, отогнала тревожные мысли и легким шагом подошла к ним.

– Нуууу, – певуче растягивая слова, обратилась она к ребятам, – что сидим? Обед уже готов. Стас, иди руки мой и бабу Ньюру обедать зови. Игорек, горе ты мое, что у тебя со штанами? И откуда яблоки? Никак дядь Лешины? Ребята, увидев мать, сразу отбросили свои думы, ее улыбка прогнала тревоги, оставив только этот жаркий летний день, зелень травы и уют родного двора. Оба одновременно втянули воздух, ноздри одинаково затрепетали, глаза засияли золотыми искрами, а лица осветили одинаковые улыбки. Сразу стало видно, что эти двое – старший и младший – похожи как две капли воды с разницей в девять лет. – Мам, ты на обед борщ сварила? – Гарик подхватил таз и помчался к подъезду. Слышно было, как его босые пятки стучат по деревянным ступеням. Потом он появился на большом угловом балконе-веранде второго этажа и помахал рукой. – Мам, не переживай, все хорошо! – Стас приобнял мать за плечи, на мгновение склонился к ней рыжей головой, поцеловал в висок, где билась тонкая синяя жилка. – Пошли обедать? Оба – мать и сын – зашли в подъезд. Двор опустел. Лишь в самом углу двора, среди листвы старого ясеня, незамеченный, сидел ворон. Его тонкий слух не пропустил ни одного слова, а зоркий глаз внимательно следил за братьями. Когда семейство село обедать, птица неслышной тенью скользнула между ветвей и улетела. 2. Остаток дня прошел в обыденных делах. Велосипед, к его машинной радости, был не только починен, но и обкатан неугомонным Гариком. Из принесенных яблок испекли пирог на ужин и пирог для дяди Леши. И лишь поздним вечером Стас, уже лежа в кровати, позволил себе думать о том, что тревожило и волновало его вот уже почти два года.

Станислав Миронов, выпускник школы, мастер спорта по русскому бою, мечтал о военной карьере. Его отец, полковник разведки, погиб, выполняя задание, в чужой стране. Стасу тогда было всего лет двенадцать, маленькому Гарику едва исполнилось три. На всю жизнь запомнил Стас тот черный день. Вернувшись с тренировки, удивился, что в квартире нет света, а потом увидел мать, в темноте сидящую за большим круглым столом, и испугался, сразу догадавшись обо всем. Перед ней лежал конверт, дрожащие пальцы мяли извещение. В памяти всплыло старое слово – «похоронка», и детский мир мальчика рухнул.

Именно тогда в густых темно-вишневых волосах мамы появились первые седые пряди, а вокруг рта залегла скорбная складка. Мальчик никогда не видел, как мама плакала. Не увидел он ее слез ни теперь, сидящей перед роковым письмом, ни потом, когда она шла за закрытым гробом. И от этого становилось еще страшнее. Портрет отца стоял на комоде в большой комнате. Там же теснились в рамочках и другие фото: мама и отец сразу после свадьбы, молодые и веселые; мама с маленьким Стасиком на руках; отец, на одной руке держащий смеющегося первенца, другой обнимающий жену с округлившимся животом; Стас-первоклассник с букетом огромных георгинов; Игорь в костюме львенка на утреннике в детском саду. В жизни матери, кроме сыновей, так больше и не появился другой мужчина. А Станислав мечтал стать

военным, как его отец. Он надеялся, что эти мечты сбудутся. Но понимал, что в его жизни есть обстоятельства, которые превыше любой мечты.

В жизни его семьи была тайна, которая определяла жизнь родителей, его жизнь и будет определять жизнь младшего брата.

Так и случилось. И вместо того, чтобы поступить в Рязанское десантное училище, ему пришлось сдать документы в местный педагогический, на исторический факультет. На Стаса повесили задание – присматривать за скромной, белобрысой девчонкой. Досаде не было конца. Ему всегда нравилась история и он легко сдал вступительные экзамены. И если бы не пример отца, то, кто знает, может быть, он выбрал бы историю. Его раздражало, что его приставили нянькой к девчонке. Годы подготовки, как ему тогда казалось, пошли коту Васке под полосатый хвост.

Станислав тогда еще не ведал, что быть защитником можно не только на военной службе, а в тихом, сонном городишке могут разворачиваться нешуточные страсти. Мир казался простым и понятным. Его отец – герой. Есть люди плохие, и есть хорошие. Хороших нужно защищать от плохих. Желательно в военной форме и с оружием в руках.

Помог справиться с разочарованием и принять новый путь его тренер русского боя – Антон Сергеевич Верещагин. Антон Сергеевич напоминал Стасу богатыря с картины Васнецова – крепкий, мускулистый, со спокойным взглядом серо-голубых глаз и светлой густой бородкой. Нет, даже не богатыря, а князя Александра Невского из старого черно-белого фильма. Усиливало впечатление то, что Верещагин увлекался исторической реконструкцией, состоял в сообществе таких же увлеченных и регулярно, облачившись в кольчугу и опоясавшись мечом, участвовал в фестивалях исторической реконструкции.

Стас, ещё будучи школьником, частенько пропадал в мастерской Верещагина. Тренер научил его не только приемам старинной борьбы, но и кузнечному и шорному делу. Выковать меч или кольчугу, сделать кожаный доспех для Стаса было вполне по плечу. Он даже как-то участвовал в роли оруженосца в одном из фестивалей. Однако вернулся оттуда со смешанным чувством. Его тренер был таким естественным в своем увлечении, что возникало стойкое ощущение погружения в прошлое. Антон возглавлял небольшой отряд витязей. Все они были спортсменами, военными, полицейскими. В обычной жизни их отличала не только профессия, но и то, что все они отдавали много сил занятиям с детьми и подростками. Каждый из них вел секцию или кружок, обучая мальчишек и девчонок борьбе, занимаясь с ними спортом или народными ремеслами. Они были такие настоящие! Но на фестивале Стас встретил людей, для которых это было просто развлечение. Ряженные в подобие старинных одежд рыхловатые офисные работники и их подружки усиленно делали вид, что они Русланы и Людмилы, иногда путая при этом волхвов с Гендальфом, русских витязей с хоббитами и эльфами, а татар с орками. Их целью было, напившись на себя шлем и длинную рубашку, нажраться пива и дурными голосами орать «чееерный вооорон». Девушки тем временем в длинных рубашках и венках принимали красивые позы «я – славянка на природе» и селфились для соцсетей. Стас, сохранив в душе любовь и уважение к славянскому прошлому и своему учителю, на фестивале больше не ездил.

Узнав про задание и совсем упав духом, не пошел на тренировку. Зачем, если все впустую. Сидел во дворе и с остервенением строгал деревянную болванку, пытаясь вырезать из неё то ли лодку, то ли ложку. Каково же было его удивление, когда под вечер во двор зашел Верещагин. Стас и не предполагал, что тренер знает, где он живет. Еще больше удивился он, увидев, что Антон Сергеевич кивнул матери, как старой знакомой, они обменялись взглядами, словно переговорили о чем-то, и мать тихонько ушла в дом, оставив их одних во дворе.

– Что на тренировку не пришел? – как бы между прочим спросил Антон Сергеевич и присел рядом со своим воспитанником. – А смысл – не прекращая мучить дерево, пробормотал Стас, – я ж теперь в учителя подамся, нянькой буду там с кем драться? С детьми?

Антон Сергеевич забрал у парня нож и болванку. Несколько уверенных движений превратили кривоватый полуфабрикат в лодочку с длинным вытянутым носом. – Дерево, его тоже чувствовать надо! Ко всему надо, Стас, с душой подходить. Однажды я прочитал интересную мысль: «Идущий выбирает путь, или путь выбирает идущего?» Ты как думаешь? – тренер, прищурившись, посмотрел на насупившегося юношу и, не дождавшись от него ответа, продолжил – ты вот злишься потому, что планы твои на время отложились. А тебе невдомек, что, может, тут ты нужнее будешь, даже, может, чья-то жизнь от этого будет зависеть Или Вселенная так решила твое предназначение проверить. Готов ли ты быть тем, кем тебе на роду назначено.

– Я знаю, кем я должен быть! – вскинулся Стас, и глаза его стали темные, как расплавленный янтарь. – Мироновы всегда были и будут Стражами! И я не отступлю!

Юноша выпрямил спину, расправил плечи и гордо вскинул твердый, четко очерченный подбородок. Густые рыжие волосы обрамляли его лицо наподобие шлема, и в свете заходящего солнца казалось, что древний воин вглядывается вдаль, высматривая врагов. Четко очерченные ноздри прямого носа слегка раздувались, улавливая запахи июньского вечера. Брови были упрямо нахмурены, а губы плотно сжаты. Перед Верещагиным стоял Страж – представитель древнего воинства, охраняющий свет от тьмы и добро от зла. Воздух вокруг стал густым и плотным, насыщенным электричеством. Рыжая шевелюра Стража уже не напоминала шлем – каждая прядь жила своей жизнью, словно живое пламя полыхало вокруг его головы.

Солнце ткнуло острым красно-золотистым лучом в спину Стаса и скрылось за горизонтом. Наступили сумерки, а вместе с ними начало спадать и напряжение, охватившее юношу. Воздух посвежел, вечерний ветерок принес запахи реки, парного молока и мяты. Только между лопаток, в том месте, куда напоследок кольнуло заходящее солнце, ощущалось жаркое тепло. Но постепенно оно стало мягким, почти ласковым и тихонько разлилось по молодому сильному телу, расслабив мышцы и принеся умиротворение. Стас перевернулся на спину и открыл глаза. Воспоминания прогнали сон. Решив не мучить себя пересчетом овец и кроликов, Стас встал и прошел на кухню. Босые ноги уверенно наступали в темноте на те половицы, которые не скрипели, ни разу не ошибившись.

Достав из холодильника упаковку молока, Стас налил его в большую кружку с изображением Симбы, его любимую. Эту кружку они с отцом купили, когда в их город приезжал циркшапито. Стас подумал и прихватил большой кусок яблочного пирога, остатки которого были заботливо прикрыты вышитым полотенцем и оставлены на столе для «ночного дозора». Все эти манипуляции Стас проделал практически в полной темноте, если не считать слабого света растущего месяца, краем острого серпа заглядывающего в окно кухни. Вооружившись припасами, молодой человек вышел на балкон-веранду и с удовольствием расположился в уютном кресле, которое стояло у перил балкона. Свет месяца сюда не проникал, и на балконе царил полная темнота.

Прихлебывая холодное молоко и заедая его мягким сладким пирогом, Стас вновь погрузился в размышления.

Девушка, за которой ему поручили присматривать, была из семьи повелителей воздуха, и, по мнению Совета Ведунов, обладала большой силой. И ничего об этом не знала. Для Стаса это было удивительно. Потому что тайну своего предназначения он узнал еще в раннем детстве из рассказов мамы и отца. Впитал древние предания вместе с первыми сказками. В детстве человек спокойно принимает мысль, что он, например, принц или волшебник, папа – Дед Мороз, а его мама или сестра – фея. В детстве мир прекрасен и удивителен. Чудеса живут рядом. Не зря же говорят, что только дети могут видеть новогодних елочных эльфов и переписываться с зубной феей. Детский разум, не скованный рамками реальности, спокойно принимает в себя то, что взрослый примет с трудом. Если и не свихнется от невозможности совместить «привычную нормальность» с «новой реальностью», то, как минимум стресс и «когнитивный дис-

сонанс» ему обеспечен. Зачем было оставлять в неведении эту девушку, он не понимал. От невозможности найти объяснение странному поведению ее родителей, Стас терялся и злился.

А девушка ему понравилась. Легкая, тонкая, порывистая, она, как весенний ветерок, освежала и придавала сил. В минуты сильного волнения воздух вокруг нее начинал пахнуть мятой и свежескошенной травой. Это давала знать о себе её Сила. Сила, о которой она не ведала и не умела ею пользоваться. Когда она проходила мимо, Стасу хотелось повернуться за ней и бесконечно дышать свежим ароматом ее Силы. Она проникала в мозг и начинала щекотать в носу маленькими пахучими пузырьками, а потом лопалась миллиардами ледяных иголок. И мир становился красочней и четче. Стас заметил, что, надышавшись её воздухом, он начинал тоньше слышать и дальше видеть. Например, сидя на «камчатке», он мог без труда расслышать каждое слово, которое шептали девушки на первой парте. Хотя ничего интересного там слушать не было. Так, пустая болтовня о парнях, косметике, новых шмотках и роликах в сети. Ещё чуть напрягшись, он слышал, как в конце коридора в двери деканата поворачивается ключ, скрипит открывшаяся дверь, и кто-то, стуча каблучками, заходит в кабинет. Судя по каблукам, явно не декан – грузный седой мужчина лет шестидесяти, а бойкая смешливая лаборантка Катя. Но вот иголочки растворялись, и звуки уходили, становились обычными. Стаса тянуло повернуться к Серафиме и опять вдохнуть ее свежего, насыщенного магией, воздуха. Сдерживаться получалось через раз.

Это заметили девицы на их курсе, и Стас не раз ловил их заинтересованные и лукавые взгляды. Впрочем, ему было все равно. Но то, как девушка влияла на него, беспокоило и тревожило молодого человека. Ему казалось, что это может помешать ему справиться с порученной миссией. Миссия была, честно сказать, пока так себе – приглядывать за ничем не подозревающей волшебницей, просто быть рядом. На всякий случай. Зачем это понадобилось Совету Ведунов, одному Роду известно.⁴ Где-то в саду треснула ветка, в речных зарослях прокричала ночная птица. Ленивая расслабленность погруженного в свои мысли юноши сменилась тревожной настороженностью. Стас спокойно сидел в глубоком уютном кресле, но от недавней задумчивости не осталось и следа.

Его темно-карие, почти черные, глаза зорко вглядывались в темноту сада. Ноздри ловили малейшее дуновение ветра, выискивая запахи, от которых стоило бы насторожиться, или хотя бы намеки на них. Стас замер, как статуя, слился с тенями веранды.

Прошло несколько минут. Ничего, даже дыхание затаившегося юноши, не нарушало ночную тишину. Ожидание было не напрасным. Стас увидел, как что-то, или кто-то, серой тенью проскользнуло через пролом в заборе и пересекло двор. Серое пятно остановилось под большим раскидистым тутовником посреди двора. Однако точнее разглядеть его не получалось. Воздух вокруг пятна начинал «мареть», колыхаться, картинка расплывалась.

«Эх, сейчас бы Серафиму сюда» – мелькнула мысль. Образ девушки ввозник в воображении ярко и осязаемо. В легком голубом платье она шла по дорожке парка, раскинув руки в стороны. Казалось, бело-голубой самолетик готовится к полету. Потянуло свежим ветерком. Мята и свежескошенная трава. В голове прояснилось, на зрение словно навели четкость.

Стас ясно увидел под кроной дерева стоящего у ствола человека. Он был среднего роста, худой и слегка сутулый. С прямых плеч, как с вешалки, свисало тряпье, похожее на плащ. Худой время зря не тратил. В руке у него появился серый туманный шар, который изменил форму и превратился в длинный тонкий луч. Луч ничего не освещал. Он был словно соткан из мрака и тумана. Худой направил луч на дом и начал шарить им по окнам.

Стас физически ощутил, как напряглись и внутренне застонали стекла в окнах первого этажа, попавшие под жуткий луч. В доме были мама, Гарик, баба Нюра. Сосед дядя Лёша ещё вчера ушёл сторожить сад. Медлить нельзя, иначе произойдет что-то ужасное. Стас нащупал внутри себя теплую яркую точку, зацепился за неё и слегка потянул. Солнечный жар разлился по его телу, наполнил энергией каждую клеточку, каждый волос, каждую его частичку.

Стас встал с кресла, не скрываясь более, его тело светилось ярким оранжевым светом. В руках заиграл огненный шар, который трансформировался в длинное тонкое копьё. Короткий замах, бросок! Копьё молнией разорвало ночной мрак, осветило двор, в последний момент развернулось сетью, накрыло Худого и потушило его страшный серый луч. ****Худой даже не понял, что раскрыт, когда его ослепила яркая вспышка на балконе, и сразу вслед за этим все его члены сковала жгучая боль. Солнечная сеть, накинутая на него Стражем, связала его, оплела, словно липкая паутина, каждый мускул, каждый сустав, лишила возможности не то, что сплести заклинание, а просто двигаться. Каждая нить этой сети раскаленным железом жгла Худого, лишая воли и сил. Высокая светящаяся фигура, раскинув огромные крылья, спланировала с балкона вниз, во двор, к подножию старой шелковицы, и склонилась над Худым. Лицо Стража было словно высечено из ярко-жёлтого охряного янтаря. Оранжевые глаза внимательно рассматривали пленника, вокруг головы плясали язычки пламени. Страж протянул к поверженному и неподвижному Худому руку и ухватил край солнечной сети.

– Говори. Кто ты и что здесь делаешь? – голос Стража был ровным, глубоким, с рокошущими обертонами, словно далеко в горах низвергался водопад. Худой молчал. Страж потянул сеть на себя. Она вспыхнула яркими огоньками, причиняя пленнику новую боль. – Не скажу – прохрипел Худой, почти теряя сознание. – Или ты скажешь мне, кто тебя послал, или говорить с тобой будут Волхвы. А они умеют развязывать языки, – рокот в голосе стал заметнее.

Худой очень не хотел попасть в руки Волхвов. Про них говорили разное. Волхвы могли то, что не попадало под понятие магии. Все Волхвы были менталистами – могли влезть в мозг человека, или не совсем человека, и разобрать его по молекулам и атомам. Говорят, зачастую забывали сложить конструктор обратно. – Меня послал Ворон. Приказал найти тебя и девчонку. Я решил начать с тебя – прохрипел он, замолчал, претерпевая неослабевающую боль, собрался с мыслями и продолжил. – Сказал, не церемониться с остальными. Угарный газ – простая причина не проснуться. – Зачем я ему понадобился? – Ему нужна девчонка. Ты – катализатор. И он не знает, где её искать. Я.. хотел сам все узнать. Луч – это сканер и жучок ты бы сам привёл.

Голос Худого слабел, сознание стало проваливаться в спасительную серую бездну, где нет ничего, в том числе и этой обжигающей сети, мешающей продумывать разговор и искать лазейки для освобождения. Сеть не только причиняла боль, она не давала говорить неправду, развязывала язык. Чутко отзывалась она на ложь, даже на желание солгать – жгла горячее, сильнее сжимала, причиняя не только физические, но и моральные страдания.

Худой вдруг ощутил, что ему нестерпимо стыдно. За свою непотребную жизнь, за выбранный путь зла, за проданную душу и загубленные им жизни. Он хотел свернуться калачиком и горько, навзрыд заплакать. Все стало просто и понятно – что хорошо, а что плохо, где добро, а где зло, свет и тьма тьма черная тьма потом она стала серой, как осенний туман. И Худому стало очень грустно и печально от того, что вот свет в его душе – живи и радуйся. Но всю его жизнь тут властвовала тьма. Она проникла в него, как зловерный вирус, присосалась щупальцами-отростками. И никакая сила не способна отделить эту вирусную тьму от здоровых клеток.

Так думал он остатками угасающего сознания, пока тьма в его душе истончалась, становилась светлее и светлее, затем исчезла совсем, превратившись в свет. Пусть неяркий, какой-то сероватый, но свет. Весь свет его души собрался в маленький, насколько хватило, шарик, который пометавшись по ставшему тесным телу, вырвался-таки на свободу, секунду повисел и медленно поплыл туда, где горизонт обещал рождение новой зари.

Сеть побледнела, истончилась и растаяла в сереющем предутреннем воздухе. Перед Стасом на земле, где только что лежал пойманный им пленник, была лишь небольшая кучка вороных перьев.

Глава 3. Тайна

1.

Родители Серафимы познакомились в аэроклубе при ДОСААФ. Николай Николаевич, тогда ещё просто Колька, мечтал о самолетах, а Наденька хотела прыгнуть с парашютом, чтобы доказать Что и кому она собиралась доказывать, не знала и сама Надя, но доказать было надо.

Их история – одна из множества историй, которые заканчиваются, так и не начавшись. Однако, в этом случае, встреча двух восторженно-романтических подростков, мечтающих о небе, имела продолжение. Судьбы Наденьки и Николая пересеклись вновь, когда Надя, студентка медицинского училища, пришла с подружками на дискотеку в летное училище.

Училище летчиков было предметом гордости всего города. Курсантов любили, их приглашали в школы на праздники, на плацу училища принимали в пионеры, и все девушки города хотели познакомиться с курсантами и выйти замуж. Каждая из них мечтала, как в белом воздушном платье и фате пойдет в ЗАГС под руку с высоким красивым летчиком в синей военной форме. И непонятно было, что больше их привлекало – замужество или летная форма.

Руководство училища, стараясь предотвратить массовые самоволки молодых парней, активно приглашало на дискотеки девушек из соседних учебных заведений. В основном из медицинского и педагогического училищ. Пока будущие офицерские жены отплясывали под «Белые розы» и приглядывали себе женихов, мамы вздыхали на кухне. Перспектива дочерей уехать в отдаленный гарнизон и потом мотаться за мужем по всей стране мало привлекала будущих тещ.

В один из промозглых ноябрьских вечеров к Наде прибежали две подружки по училищу. Девчата приехали из маленьких деревень, жили в общежитии и не собирались упускать ни единой возможности получше устроиться в жизни. – Ой, Надька, а ты что ещё в халате? Одевайся быстрее, мы же опоздаем! – затараторили они с порога.

Наденька вздохнула и поняла, что дочитать книжку про красавца пирата ей вряд ли удастся, а придется тащиться по дождю и ветру через весь город, потом изо всех сил изображать веселье и ждать, когда девочки натапчуются и соберутся домой в общежитие, и опять в промозглой осенней ночи идти домой. Удовольствие, на взгляд Наденьки, было так себе, но подружки без Нади никуда идти не хотели. Все же сборы подняли Наде настроение. Девушки в четыре руки накрутили ей плойкой кудри на плойку и насахарили челку-цунами.

Хихикая и подшучивая друг над другом, они и появились на дискотеке. Подружки растворились в разноцветном мигающем полумраке актового зала, а Наденька, спрятавшись за большой кадкой с фикусом. Она не любила шумные компании и сборища. Обилие незнакомых людей, неистово веселящихся, пугало её и утомляло. Больше всего ей нравилось сидеть в укромном уголке и рассматривать танцующую и флиртующую молодежь. Она придумывала им имена, истории, пыталась предугадать, как повернется их встреча – будет иметь продолжение или нет.

– Надя? Сергеева? – чей-то голос оторвал ее от наблюдений.

Перед ней стоял курсант-второкурсник, если судить по нашивкам на его кителе. Его лицо было в тени, но голос и фигура показались знакомы. Молодой человек присел на свободное кресло рядом, его лицо осветилось бликами светомузыки. В памяти Наденьки возник старый ДОСААФовский аэродром, вертушка и горстка школьников, собирающихся совершить свой самый первый прыжок. Сидящий перед ней курсант оказался ее знакомым по аэроклубу Колькой Фадеевым.

– Коля?! Вот встреча, здравствуй! Не ожидала, что ты здесь, – Наде было радостно увидеть кого-то, кто знал ее не в этой танцующей реальности.

Маленький худенький мальчик с тоненькой цыплячьей шеей превратился в статного, симпатичного парня. А военная форма добавляла ему солидности. И только голубые глаза с серыми крапинками вокруг зрачка в обрамлении густых темных ресниц оставались теми же – насмешливо прищуренными. Коля внимательно наблюдал за Надей и в тот момент, когда она узнала его смешливый взгляд, одна его бровь вопросительно изогнулась, словно спрашивая: «Ну что, узнала?».

«Конечно, ты все такой же» – мысленно ответила Надя и почти не удивилась, когда в голове у нее прозвучал ответ: «Ты тоже. Я тебя часто вспоминал». Станным образом, ей сразу стало спокойно и легко рядом с ним. Словно она вернулась домой после долгого отсутствия.

Они поженились в начале июня, когда клумбы в городе благоухали пионами, а бабушки на каждом углу продавали ароматную клубнику. И каждый год с тех пор Николай в день их свадьбы приносил домой букет пионов и клубнику. Где ему удавалось их доставать в военном городке, куда его направили служить после окончания новоиспеченного лейтенанта распределили после училища, одному богу было известно. Спустя два года после свадьбы, опять же в июне, родилась дочка, Серафима.

Имя Серафиме дал отец. Где и откуда он взял его, так и осталось загадкой. В ЗАГСЕ сотрудница пыталась отговорить молодого отца и назвать дочь более современным именем, но Николай остался непреклонен. Никаких Светлан и Наталий. Только Серафима! Его невесть откуда взявшийся гнев очень гармонировал с набежавшими тучами. Прямо над крышей ЗАГСа громыхнуло. Сотрудница не стала спорить со странным военным и записала девочку так, как просили. В тот момент её больше волновал тот факт, что после работы она со своим парнем собиралась на пляж, но дождь расстроил ее планы. Когда спустя полчаса она выглянула в окно, на улице вовсю светило солнце и не наблюдалось никаких следов дождя.

Всю жизнь девочку звали полным именем. Никакой Симы или Фимы. Отец неустанно следил, чтобы дочь звали не иначе, как Серафимой. Как-то, на вопрос дочки, почему её так зовут, Николай ответил, что это семейное имя. Когда она вырастет, он ей обязательно расскажет. Но ждать нужного возраста Серафиме надоело примерно через неделю, и потом она уже не спрашивала отца о своем имени.

После того, как отец демобилизовался из армии, семья переехала в уютный город в центре России. Тогда повсеместно строились современные жилые комплексы с детской площадкой, подземным паркингом и зоной барбекю во дворе. Такой же комплекс решено было построить для военных, получивших от государства жилищные сертификаты. Николай Николаевич воспользовался этой возможностью, и теперь семья жила в красивом живописном месте, в новом доме с просторными квартирами. Вернувшись из парка, Серафима тихонько открыла входную дверь. Родители не запирали замок, если дома кто-то был. На цыпочках пересекла коридор: мама на кухне готовила обед, распространяя по всей квартире густые запахи фаршированных перцев и овощного рагу, а отец возился на балконе с моделью планера – готовился к районным соревнованиям по авиамodelьному спорту.

Девичья комната находилась в глубине квартиры, но, благодаря причудам современной архитектуры, имела небольшой полукруглый эркер с окнами до пола. При отделке квартиры стараниями отца и вдохновением мамы в нем появился широкий подоконник-лежанка. Эркер стал ее любимым местом в комнате. Теперь девушка много времени проводила, глядя с высоты 15-го этажа на город, старинную усадьбу с парком и озером, заречный поселок.

Вот и сейчас, поудобнее устроившись на голубом лоскутном покрывале и облокотившись спиной на подушку-думку, Серафима приложила прохладную ладонь ко лбу и постаралась унять волнение, глубоко вдохнув и выдохнув несколько раз. Постепенно ее пульс замедлился, но мысли продолжали метаться в поисках ответов и разумного объяснения того, что произошло в парке на прогулке.

Как ее нашел Гарик? Как он залез на дерево, и она не заметила этого? Почему она должна непременно ехать на практику в богом забытую деревню? И, самое непонятное, как он смог отвечать на ее мысли СМСками?!

Вопросов было больше, чем ответов. Еще несколько раз вздохнув, Серафима посмотрела на небо, на плывущие облака, похожие на сахарную вату. Потом ее взгляд зацепился за маленький трепещущий комочек – какая-то пичужка поднялась в небесную синь и изо всех маленьких силенок пыталась преодолеть силу земного притяжения. Внизу старый город зеленел липами и кленами, сверкал зеркалом озера и лентой реки, манил узкими тенистыми улочками.

«Что-то я себе напридумывала, в самом деле, - подумала Серафима – ну, подумаешь, нашел в парке. Может, он меня уже неделю ищет? Хотя зачем Стасу подсылать к ней брата, если он мог просто позвонить ей? Ну, тут как раз все просто. За год учебы они друг другу сказали едва ли пару слов. А если то, о чем шепчутся девочки в группе, правда, то ничего удивительного – стесняется парень».

Мысль о том, что влюбленный Стасик просто решил напомнить о себе, развеселила Серафиму, и она решила не забивать себе голову всякими другими странностями. Вскочив с лежанки, босиком прошлепала по прохладному полу на кухню, где мама уже накрывала обеденный стол.

– Зови, доченька, отца. Обедать пора. – Надежда Петровна поставила на стол большое блюдо дымящихся темно-красных фаршированных перцев и, убедившись, что дочь исчезла из поля зрения, медленно взмахнула руками в направлении распахнутого настежь окна. Все запахи кухни – вареного томата, чеснока, специй, горячего масла, – почти видимой струей потянулись в окно, а кухню заполнил свежий аромат лимона.

Марта, нагулявшаяся по жару, вертелась на кухне, выпрашивала у хозяйки вкусняшку, временами шумно лакая из миски воду. Собака была довольна собой и всем миром. Получив от мамы Нади порцию ароматного фарша с овощами, решила, что жизнь прекрасна, и принялась жадно поглощать долгожданное собачье счастье. Когда семья уже заканчивала обедать, в прихожей раздалась трель звонка.

Родители Серафимы переглянулись. Семья гостей сегодня не ждала. Может соседка зашла за солью, или сосед за какой-нибудь хозяйственной мелочью. Николай Николаевич, пробормотав «я открою», вышел из кухни.

Надежда Петровна во время обеда украдкой наблюдала за дочкой. Серафима была, как всегда, спокойна и светла, но внимательный взгляд матери видел, как девушку что-то тревожит. Не сильно, не настолько, чтобы повлиять на ее обычное настроение, но весьма достаточно, чтобы нарушить хрупкое состояние гармонии.

Видя, что дочка еще не вполне определилась – надо ей волноваться или нет, не стала ни о чем ее спрашивать. Налила холодного вишневого компота в запотевший стакан и, как бы ненароком оказавшись за спиной у дочки, легонько подула ей на затылок.

– Мам, ты чего? – Серафима удивленно повернулась к матери. – Да так, жарко здесь, наготовила, – Надежда Петровна удивилась чувствительности дочери, уловившей ментальное воздействие.

Ситуацию спас Николай Николаевич, появившийся в дверях кухни. – Я отойду ненадолго. Пришел Антон, просит помочь с машиной, – тон его был спокойный, даже будничный. Но в глазах мелькала тревога. Коротко переглянувшись с женой, подмигнул дочери и ушел. Звонко шелкнул дверной жучок.

Вздохнув, Надежда посмотрела на дочь и встретила с взглядом голубых прозрачных глаз. Серафима внимательно смотрела на мать. – Мааам, все нормально? – Конечно. А что? – Мне показалось или папа какой-то нервный? – Ну что ты, конечно показалось. Все нормально. Он же сказал – Антон пришел насчет машины. Опять, наверное, поломалась. Вроде серьезный

мужчина, а все в рыцарей играет. Да и машина эта его – сейчас таких уж и не выпускают. Запчастей не найдешь. Лучше бы уж коня себе купил. Такая же древность, как его москвич.

Надежда Петровна все это время хлопотала на кухне, убирала со стола, мыла посуду. И пыталась заговорить дочку, отвлечь ее, успокоить так некстати проснувшуюся прозорливость. Серафима не стала настаивать и чмокнув мать в щеку, ушла к себе. Надежда облегченно вздохнула и присела на краешек стула.

Серафима, хоть и заметила возникшее напряжение, так же поняла, что родители почему-то скрывают это от нее. И решила не настаивать – все равно не скажут. В ее сознании зародилась мысль, что тут есть какая-то тайна, которую неплохо было бы узнать. Природное любопытство подогревалось внутренним ощущением просыпающейся Силы, которую она чувствовала, но не осознавала.

События этого дня настолько озадачили Серафиму, что девушка, устроившись на любимом подоконнике, глубоко задумалась. Но информации для размышления было слишком мало, а бесконечно прокручивать в мозгу вопросы, на которые нет ответа – занятие не только неблагодарное, но и утомительное. Поэтому, вспомнив, что «утро вечера мудренее», Серафима решила позвонить Машке и поделиться с ней своими ощущениями. Взгляд со стороны ей бы сейчас не помешал.

Позвонив подруге и договорившись завтра встретиться, Серафима облегченно вздохнула и провалилась в глубокий, но беспокойный сон. Во сне ее преследовал запах разогретой сосновой смолы и почему-то яблочного пирога. Потом где-то на самом краю сна знакомый голос позвал ее по имени, и, как ей показалось, часть ее отделилась и полетела через парк и речку, к заросшему старыми деревьями двору, в глубине которого стоял двухэтажный дом. Серафима растопырила пальцы и вокруг них образовались облачка голубого с зелеными искрами тумана. Он пах мятой и еще чем-то свежим. Серафима подула на пальцы, и туман поплыл вниз, к дому. Такая покладистость удивительной субстанции развеселила Серафиму. Она рассмеялась, подула на пальцы ещё, понаблюдав, как туман сворачивается в кольца, образует воронку, словно маленькое торнадо, и исчезает где-то в районе старого дома с зеленой крышей.

Серафиме захотелось узнать, что там, в этом доме. Но, едва она усилием воли попыталась приблизиться к таинственному дому, как мир вокруг нее завертелся, земля стремительно бросилась ей навстречу, и в момент удара она, вздрогнув всем телом, проснулась. Сердце девушки бешено колотилось.

"Ну и приснится же такое" - подумала Серафима, перевернулась на другой бок и заснула спокойным, глубоким сном без сновидений. 3.

Пока Серафима летала во сне, на кухне между Николаем Николаевичем и Надеждой Петровной состоялся нелегкий разговор. Вернувшись от Антона уже за полночь, Николай, стоя в дверях комнаты, долго смотрел на спящую дочь. Сведенные брови выдавали невеселые мысли, какую-то внутреннюю борьбу. Надежда, тихонько подойдя к мужу, дотронулась до его локтя, как бы предостерегая и приглашая поговорить.

- Пойдем, - прошептала она, - пусть спит. Я чай заварила.

На кухне, под большим желтым абажуром, низко висевшим над столом, было спокойно и уютно. Атмосфера домашнего тепла располагала к откровенному душевному разговору, каким бы он ни был. В больших керамических кружках дымился чай, заваренный на душистых степных травах. Пахло донником, чабрецом и шалфеем. В маленькой вазочке сверкал янтарем мед.

Николай сел за стол, на свое привычное место между балконной дверью и столом. Придвинул кружку с чаем, покрутил в пальцах ложечку и аккуратно положил ее на стол.

– Надя, Антон сказал, что молчать дальше нельзя. Нам надо все ей рассказать. – И помолчав, добавил – Давно надо было рассказать.

Надежда Петровна молча разглядывала чайники на дне кружки с таким вниманием, словно от них зависела вся ее дальнейшая жизнь.

– Что у них стряслось? Мы же отошли от дел. Так ведь, да? Или Антон забыл, что обещал? Коля! Ну что ты молчишь?! Я же просила тебя, чтобы Серафима жила обычной жизнью. Без этих всех страстей! Ты мне обещал! Ты помнишь?! Вы оба мне обещали!

Чем больше она говорила, тем сильнее в ее голосе слышались нотки отчаяния и обиды. Наденька понимала, что ничего уже не исправишь и не изменишь, не вернешь все обратно, как будто бы и не было этого разговора. И все-таки, обида на невыполненные обещания по-детски не давала смириться и принять неизбежное, это была последняя попытка защитить свой уютный семейный мир, своего ребенка.

– Надюша, ты не можешь ее изменить. Серафима – то, что она есть. А что с ней будет, когда Сила проснется, а она об этом ни сном, ни духом? Ну, подумай, родная. – Николай накрыл своей большой и твердой ладонью маленькую руку жены.

Она подняла на него глаза, полные слез:– Я боюсь за нее, Коля! И за тебя боюсь. Неужели все опять возвращается?!

Память всколыхнула события пятинадцатилетней давности. Тогда они жили в одном из отдаленных гарнизонов, где вокруг на многие десятки километров нет ни жилья, ни магазина. Только бесконечная тайга. И в этой тайге была прорублена громадная просека и оборудован аэродром со взлетной полосой, ангарами, общежитием для летчиков, медпунктом и библиотекой. Была так же школа, маленькая столовая и магазинчик, продававший все, что могло понадобиться в нехитром хозяйстве летчиков и их семей: от краски и гвоздей до хлеба и консервов.

Николай был командиром эскадрильи, а Наденька работала фельдшером в медпункте. Пока супруг был на боевом дежурстве или совершал тренировочные полеты, она мазала зеленой содранные коленки у гарнизонной ребятни и лечила мигрени у офицерских жен. Для всех они были обычной семьей военнослужащего, каких много во всех воинских гарнизонах.

Только посвященные знали, что семья Фадеевых несла важную миссию – держала охранный купол над воинской частью. Николай был очень сильным магом воздуха, боевым магом – не зря он с детства так стремился в небо. А Надежда выполняла роль поддержки – уравнивала и стабилизировала мощную энергию Воина. Её сила могла исцелять, она чувствовала энергетические каналы Земли и могла перенаправить эту энергию туда, куда требовали обстоятельства – будь то разбитая детская коленка, пробоина в защитном куполе или маг, растративший в бою свою энергию.

Однажды на гарнизон напали. Неожиданно, тогда, когда этого меньше всего ожидали – весной, в период расцвета и роста, когда природа просыпается, черпает оттаявшие соки земли. Мир ликует, купается в солнечном свете, и в этом ликовании зарождается новая жизнь. Темные силы нанесли удар вопреки устоявшимся стереотипам – зло нападает не только ночью и зимой...

В газетах тех лет промелькнуло всего несколько строк о том, что наши пограничники совместно с авиацией во время боевых учений успешно предотвратили провокацию гипотетического противника. И никто не подозревал, что это были совсем не учения, и противник был отнюдь не гипотетический, а самый настоящий. Дело осложнялось тем, что нападение было хорошо спланированным, нападавшие знали, что в гарнизоне есть Воин и подготовились. Бой велся не только человеческим оружием. БТРы, самолеты и снаряды были только прикрытием.

Истинное противостояние шло на энергетическом уровне, где столкнулись магические силы. Досталось тогда всем изрядно. В полку было четыре эскадрильи. После нападения осталось только две.

Погибших могло быть в разы больше, но Надежда, пока супруг вел воздушный и одновременно магический бой, изо всех сил держала купол над гарнизоном. В военном городке были женщины, дети, солдаты – совсем молодые мальчишки, которых матери отправили отдавать долг Родине, – они не должны были пострадать. Когда ее силы закончились, Надя сделала то, чего никогда в жизни не делала – взяла силы у мощного, в четыре обхвата, дуба, росшего у штаба части. Дуб пережил тот налет. Его корни и ветви превратились в проводники энергии земли, которая перекрутила спиралью ствол и сучья.

Человек – не дерево. У него хрупкие кости, нежная кожа. Человеческое тело слабо приспособлено для мощных сил природы. Оно не выдерживает отсутствие кислорода, удар молнии и кипящую воду. Но у человека есть дух и стойкость. А еще есть преданность другим людям. Эти силы творят чудеса и помогают слабому телу выдержать нечеловеческие испытания.

Атаку удалось отбить. Внутри купола никто не пострадал. Почти никто. Только молоденькая фельдшер стояла в опасной близости от дуба, в который ударила молния. Во время боя разразилась гроза невиданной силы. Дождь лил непрерывным мощным потоком. Ветер завывал так, словно стаи гигантских волков завели свою полуночную песнь. Что было причиной того, что в такую погоду девушку понесло на улицу? Для всех это так и осталось загадкой.

Надежду нашли возле покореженного, но живого дуба уже утром, когда гроза утихла, закончился и бой. Все мирные обитатели гарнизона с нетерпением ждали возвращения своих защитников. Только наземные службы аэродрома знали, чего стоили эти якобы «учения». В диспетчерской получили сообщение, что шесть экипажей не вернутся с боевого дежурства. Среди исчезнувших с радаров был самолет командира третьей эскадрильи Николая Фадеева.

Уже потом, когда едва живую Надежду отправили в госпиталь, в лесу нашли Николая. Когда СУ-27 стал буквально разваливаться на части, командиру и штурману удалось катапультироваться. Парашюты летчиков раскрылись почти у самой земли, но тут же порывы ветра перекрутили стропы и смяли купола. Летчики были обречены. Сил Николая едва хватило на то, чтобы замедлить их падение и не разбиться о землю. Магические способности Фадеева спасли его жизнь и жизнь штурмана. Когда их нашли в тайге и обнаружили, что оба живы, все списали на невероятное везение. Их вертолетом доставили в тот же госпиталь, куда двумя часами ранее привезли Надежду.

Они выдержали, справились, защитили. И потом, все время службы, они продолжали защищать, держать охранный купол. Но Надежда взяла слово с мужа, что их дочь не будет посвящена в эту полную опасностей жизнь. Она не хотела подвергать свое единственное дитя смертельной опасности. Как только представилась возможность, Надя уговорила Николая демобилизоваться. Для этого ей пришлось обратиться к Совету Ведунов за разрешением не посвящать дочь в магическую реальность, не рассказывать ей кто она и какими силами владеет по праву рождения. Так же она добилась разрешения для супруга уйти в запас по состоянию здоровья. Этот бой оставил шрамы не только на теле мага, но и практически лишил его способности накапливать Силу. Николай больше не мог полноценно держать купол. И восстановление обещало растянуться на годы.

Ведуны долго совещались, листали старые книги и свитки, пока, наконец, приняли решение. Семье Фадеевых вместе с дочерью разрешалось уйти в отставку, они освобождались от службы и были вольны жить так, как им захочется. Единственное условие – они должны были хранить тайну Круга Стихий. И, если Родина позовет. Но Родина не звала, жизнь текла своим чередом, страну сотрясали экономические и политические бури, а Фадеевы строили свой уютный и безопасный мир.

До этого дня...

Глава 4. Машка

1.

Центральный рынок находился в старинной части города. Много веков назад это было сердце ремесленного городища, возникшего на перепутье торговых путей. Время оказалось не властно над ним. Так же, как и тогда, здесь стояли торговые ряды и палатки, сновали торговцы всякой снедью, чинно шествовали покупатели. Только вместо деревянных торговых рядов вырос большой павильон с высоким сводчатым куполом, да и расчеты велись не «на пальцах», а при помощи кассовых аппаратов и портативных терминалов.

Городской рынок – особый мир со своими законами и атмосферой. «Пойти на рынок» – все равно, что исполнить священный ритуал. Тут не место спешке и суете. Продукты надо выбирать вдумчиво и обстоятельно, пробуя каждый на ощупь и на запах, а если повезет, то и на вкус. Да не забыть перекинуться добрым разговором со знакомыми продавцами, немножко поторговаться за копеечную скидку, не до хрипа, чай не на востоке, а так, больше для вида и хорошего настроения. Потом непременно заглянуть в летнее кафе на площади, чтобы на большой открытой веранде чаем и выпечкой восстановить силы, обсудить покупки и с легким сердцем возвращаться домой, в привычный суетливый мир повседневных забот.

Рынок жил своей бурной жизнью в основном до обеда, пока не наступала жара. Да ещё в «базарные» дни, обычно по субботам и средам, торговля затягивалась часов до четырех пополудни. В остальные дни и после обеда людей на рынке было так мало, что казалось, все погрузилось в вековой сон. Сонную тишину не нарушали даже немногочисленные торговцы и единичные покупатели, которых неизвестно как занесло в небазарный день на рынок.

В дальнем углу, в тех рядах, которые облюбовали народные умельцы, притаилась маленькая незаметная мастерская. На вывеске, изрядно потертой, оставшейся ещё с «перестроечных» времен, можно было прочесть криво нарисованную масляной краской надпись «Гора самоцветов» с разбросанными вокруг кругляшками красного, синего, зеленого цветов, судя по всему, тех самых самоцветов. Открыв разноцветную витражную дверь и позвонив дверным колокольчиком, посетитель попадал в другой мир, туда, где властвуют гномы, эльфы и хоббиты. А у некоторых возникали мысли о Косом переулке.

В лавке было тихо, темно и прохладно, пахло фруктами и деревом. В деревянных шкафах-витринах на бархатных подушечках сверкали украшения, от которых у посетителей захватывало дух. Глубоким синим мерцали сапфиры, кроваво смотрели рубины, острыми, как лед, лучами кололи глаза бриллианты. На витринах без бархатного пафоса располагались украшения с самоцветными камнями – опалами, сердоликами, яшмой. Отдельно красовались огненный янтарь и прохладный жемчуг. А по бокам от входа на простых подставках рядами висели «бусики» из разноцветного стекла, фенечки из тесьмы и кожаных ремешков, деревянные браслеты и ожерелья. На прилавке стоял редкой красоты раритет – старинный кассовый аппарат. Металлические части покрылись зеленоватой патиной, а деревянное, темное от времени, основание отполировали до блеска поколения торговцев.

На первый взгляд в лавке никого не наблюдалось. Впрочем, первый взгляд посетитель никогда не посвящал поиску людей – все внимание без остатка притягивала сама лавка. Она, как самовлюбленная красавица, надев все самое лучшее, показывала себя и жаждала восхищения и поклонения. И только услышав восхищенный вздох, являла миру человека. Из-за кассового аппарата ошарашенному взору посетителя представал. Гном?! Хотя нет. Просто продавец, мужчина лет шестидесяти с темной окладистой бородой, сидел за прилавком в ожидании покупателей. Когда он поднимался со своего стула, было видно, что роста он среднего, но до того крепок, что казался богатырем. Удивительно, как он уместается в тесном пространстве за прилавком. Однако он чувствовал себя весьма уверенно и свободно. Это был старший сын хозяина

мастерской, Никита Васильевич Кожемякин. Потомственный ювелир. В лавке он проводил не много времени. В основном работал в мастерской позади лавки. Заказы на ювелирные украшения поступали постоянно, бывало, что заказывали изделие по индивидуальному дизайну, зачастую из больших городов или из-за рубежа. В свободное от больших заказов время Никита Васильевич либо разрабатывал новые украшения, либо развлекался изготовлением бижутерии для клиентов попроще. Бывало, что подменял в лавке отца.

Чаще всего посетителей встречал маленький сухонький старичок с длинной и белой бородой. Дед Василий, хозяин лавки, а это был именно он, поражал воображение гостей льняной рубашкой-косовороткой и безрукавкой, сшитой из кожаных квадратов. Цвет кусочков менялся от темно-коричневого, почти черного, до светло-кремового, молочного. Однако искусно подобранные фрагменты не рябили в глазах, а составляли причудливый узор. Лет старцу можно было дать как восемьдесят, так и сто пятьдесят. Однако дедуля был далеко не немощен. В сухом теле жизненной энергии было еще, наверное, на тысячу лет. А ярко-синие глаза светились острым умом и хитроватым стариковским юмором, какой можно встретить только у людей, проживших большую и бурную жизнь, либо у героев одесских анекдотов.

Семья у деда Василия была большая. Женился он сразу после войны на смуглой красавице, которую заприметил в одном из сел освобожденной Молдавии. Смуглянка Марыся покорила сердце солдата. Дойдя до Берлина и отстреляв последнюю обойму в победном салюте, он, по пути домой, сделал крюк и приехал в родной городок не один, а с женой. Первого ребенка Василий родил поздно, на четвертом десятке, затем друг за другом появились еще два сына и дочь. Тридцать лет прожили они душа в душу, вместе переживали трудные годы и радостные моменты, растили и поднимали на ноги детей, передавали им семейное ремесло. К сожалению, Марыся не дождалась внуков. Василий сильно переживал смерть жены, долго тосковал по ней и больше так и не женился, посвятив свою жизнь детям и любимому делу. Вся семья Кожемякиных, как и их предки, была, вопреки фамилии, либо ювелирами, либо кузнецами. Уже подрастало новое поколение, которое уверенно шло по стопам своих родителей и дедов. Семейное дело процветало.

В тот летний день в лавке не было ни Никиты Васильевича, ни деда Василия. Никита уединился в мастерской с новым заказом, а дед Василий отправился к своему старинному приятелю по какой-то дружеской надобности, оставив приглядывать за лавкой внучку Машуню, дочку младшего сына Федора.

Машуня, она же Машка, оставшись одна в лавке, не скучала. Машка и скука понятия были несовместимые. В любой ситуации она, неисправимая оптимистка, видела удачное стечение обстоятельств для ну не важно для чего, но точно чего-нибудь интересного, нового, полезного, важного и далее по списку. В зависимости от того, что это были за обстоятельства.

Вытащив из крохотной подсобки небольшой раскладной столик и из-за прилавка стул дядьки Никиты, она удобно расположилась у окна. Из него хорошо были видны торговые ряды и проход, ведущий к лавке. К тому же из окна падал свет, тогда как остальная лавка тонула в таинственном полумраке.

Машка разложила на столике ремешки, ленты, тесьму и коробочки с разноцветными бусинами. Все цветные фенечки, браслетики, недорогие бусы и обереги, во множестве развешанные по лавке, были результатом Машкиного труда. Дед Василий нежно любил внучку, с гордостью размещал в своей лавке сделанные ей украшения и скрупулезно вел учет проданному внучкиному товару. Выручка от продажи фенечек в конце каждой недели торжественно вручалась дедом Маше. Машуня не зря училась на историческом факультете. Решив войти в семейное дело, она с интересом изучала народные орнаменты. Её привлекала бережная культура, магические мотивы в этнических украшениях. С детства научившись плести украшения из тесьмы и бисера, с возрастом она не охладела к этому увлечению, а перенесла его на новый уровень – осмысления своего мастерства.

Сегодня она делала браслет для подруги. Серафима ей сегодня приснилась – она парила в небе и кувыркалась в мятно-голубых потоках ветра. Браслет должен был стать оберегом для сохранения энергии, а еще защитой от дурного глаза. Внимательно перебирая бусины, Машуня полагалась на свою интуицию, чутко прислушиваясь, как отзывается каждая бусинка на ее прикосновение. Перед ее мысленным взором стояла сцена из сегодняшнего сна – купающаяся в ветре Серафима.

Её почти медитативный транс прервало задорное бормотание веселого лягушонка. Машка вздрогнула и недовольно глянула на экран смартфона. Но тут же лицо девушки разгладилось, на щеках появились ямочки, и она, сдув челку, упавшую на один глаз, закричала в трубку:

– Серафима! Привет! Ты кстати! Как дела? – и замерла на некоторое время, внимательно слушая подругу.

Между бровей появилась едва заметная морщинка, говорившая о том, что Машуня обеспокоена тем, что услышала. Но ямочки на щеках никуда исчезать не захотели, что внушало определенный оптимизм.

– Слушай, это надо обсудить! Приходи в лавку. Я сегодня и завтра тут за дедулю хозяйничаю. Заодно что покажууу – Машка еще немного послушала, что говорит подруга, но решительно прервала робкие возражения девушки. – Не переживай, дедушка уехал на два дня, велел присматривать. А завтра так вообще не базарный день. Так что нам никто не мешает. Ну, разве что Пашка обед привезет. Тебе что заказать? Хочешь пиццу? Помню, помню. Цезарь и никакой колы. Заметано! Завтра жду!

Машка отложила телефон, все еще погруженная в разговор, потом улыбнулась каким-то своим мыслям, вздохнула и опять погрузилась в работу.

2.

На следующий день ближе у полудню мелодично прозвенел дверной колокольчик, и в лавке запахло мятой. На пороге стояла Серафима в светло-зелёном сарафане и в венке из листьев вавилонской ивы. Длинные узкие листья на светлых волосах придавали девушке эльфийский вид.

– Оооо ты как Галадриэль, Серафима! – Машка отложила почти готовый браслет и восхищенно уставилась на подругу. – А где твои острые ушки, а? Ну-ка покажи тёте Маше.

Машка вскочила, обогнула столик, чудом не задев его и не свалив ничего из разложенных мелочей, и мигом оказалась возле подруги. Кончиком пальца отвела белокурую прядь волос, открыв розовое маленькое ухо. – Хм, уши обычные, – взяв за обе руки Серафима, с улыбкой посмотрела на нее, готовая пуститься в пляс. Было видно, как радость от встречи переполняет её, рвется наружу веселым смехом. Серафима тоже не смогла долго сохранять безмятежный вид, и девушки, взявшись за руки, счастливо рассмеялись и закружились по полумраку лавки, наполняя ее смехом, светом и радостью. Пылинки, испуганно вспорхнув с деревянных лакированных поверхностей, долго возмущенно кружились в воздухе, посверкивая искорками в полуденном луче, светившем прямо в окно.

– погоди! – Машка метнулась к столику, аккуратно убрала все свои рукодельные прищипки, засунула коробку под прилавок, потом в глубине лавки нырнула за занавеску и вынесла небольшое деревянное кресло с полукруглой резной спинкой, плавно переходящей в подлокотники. Поставила его с другой стороны стола напротив своего стула и усадила в него подругу, – вот, располагайся и будь как дома! А я сейчас позвоню Пашке, пусть обед нам везет!

Пока Машка носилась, как маленькое торнадо, Серафима разглядывала украшения. Она уже бывала здесь, но каждый раз казалось, будто она попала не в ювелирный магазинчик, а в волшебную лавку, наполненную чудесами и тайнами.

– Маш, как же у вас тут хорошо!

Серафима не отрывала глаз от свисавшей с потолка музыки ветра. На едва невидимых нитях висели бирюзовые и серо-зелёные бусины, между ними слегка покачивались деревянные лодочки и тонкие ажурные трубочки из голубоватого металла. Серафима протянула руку к одной лодочке, толкнула ее, лодочка задела соседние бусины, те ударились о трубочки. Трубки качнулись и зазвенели тонким и легким звоном.

– Музыка ветра – Серафима еще раз тронула кончиками пальцев удивительную конструкцию, вызвав новый аккорд, и закружилась по комнате, прислушиваясь к постепенно затихающим переливам звука. – Откуда это у вас? Раньше я ее не видела.

– Это мама сделала. Повесила и сказала – пусть висит до поры, ждет своего человека. Она у меня любит музыки ветра делать. Ты же знаешь. Только обычно она их у себя в магазине продает, а эту почему-то сюда принесла.

Машка плюхнулась на свой стул, вытянула ноги в фиолетово-голубых гольфах под столик, а руки сложила на коленях, как делают детсадовские дети, когда хотят «подлизаться» к воспитательнице и быстрее пойти играть.

– Ну, давай, рассказывай, как каникулы провела.

Следующие полчаса из лавки доносились девичьи негромкие голоса, изредка прерываемые веселым беззаботным смехом, какой может быть только в юности, когда кроме учебы и помощи родителям, никаких других «взрослых» обязанностей нет, жизнь прекрасна и удивительна, солнечный день бесконечен, а все возникающие проблемы – лишь начало большого приключения.

Приехал Пашка, тот самый парень, который забирал Машку после ЕГЭ, в тельняшке и с татуировкой в виде парашюта, привез девчонкам две коробки пиццы и несколько аппетитно пахнущих контейнеров, пакетов и коробочек. На вежливое предложение составить компанию, только отмахнулся, дескать «секретничайте», и ушёл с деловым видом, крутя на пальце ключи от своего УАЗика.

Машка проводила взглядом полосатую Пашкину спину, хмыкнула, пожав плечами, и заговорчески посмотрела на подругу.

– Хуже старшего брата может быть только очень деловой брат! Ну его, давай, налетай! А то есть уже охота! – словно в подтверждение сказанному, из Машуниного живота раздалось нетерпеливое ворчание, – во, видишь? Жрать просит.

Не отвлекаясь более ни на что, Машуня целиком отдалась поглощению продукции местного фаст-фуда. Когда с обедом было покончено, Машка с помощью Серафимы сноровисто убрала не только упаковку и остатки обеда, но и столик, стул и кресло. А вместо них, опять же из-за занавески, притащила большое лоскутное стеганное одеяло и несколько подушек разных форм и цветов. Разложив прямо на полу все это мягкое великолепие, плюхнулась на него, подложила под бок цилиндрическую подушку из синего бархата с золотыми кистями и похлопала рукой по одеялу, приглашая Серафиму последовать ее примеру.

– Располагайся! Так удобнее. После сытого обеда полагается, если не поспать, то хоть полежать обязательно! – и заливисто засмеялась.

Серафима присела рядом с подругой на мягкое разноцветье лоскутов и задумалась, поглаживая прохладный хлопок. Машка заметила ее нерешительность. То, что Серафима пришла не просто так, а посекретничать о том, что сильно волновало её, мешало и тревожило, Машка поняла еще во время вчерашнего разговора. Но она ничем не выдала свое любопытство, дала девушке время самой начать нелёгкий и странный разговор. Но Серафима молчала, разговор не начинался. Маша вздохнула, с сочувствием глядя на Серафиму, и решила больше не тянуть резину.

– Ну, рассказывай. Что случилось? – Забавные ямочки на щеках исчезли, а большие почти фиолетовые глаза смотрели с пониманием.

Серафима приложила прохладную ладонь к румяной щеке. – Ты только не подумай, что я сумасшедшая. То, что я тебе сейчас расскажу, о-о-очень странно! Я даже не знаю, может мне это все показалось, и я нагнетаю – Серафима запнулась на пару секунд. – Блин, даже не знаю, с чего начать. – Начни с начала и по порядку.

Следующие полчаса Серафима пересказывала вчерашние события, внезапное появление забавного Игорька, странную просьбу однокурсника, таинственные смски, свой, ещё более странный, сон. Во время рассказа Машка внимательно слушала, ни словом, ни жестом не прерывая подругу, не вставляя комментариев, насмешек, ни искры недоверия не мелькнуло на её добром лице.

– И что ты думаешь про всё это? – Выслушав Серафиму до конца, Машка пошевелила пальцами ног в полосатых гольфах, села, скрестив по-турецки ноги, и уставилась на подружку.

– Да что-что, не знаю! Вообще, что это было? И как можно на мысли смсками отвечать? И почему он даёт мне приказания? Целый год молчал, молчал, а теперь – нарисовался, ещё и командует!

Серафима разволновалась, щёки её покрылись ярким румянцем, а глаза стали ярко-зелёными. Тревожно зазвенела музыка ветра с лодочками. Машка искоса глянула на качающуюся музыку ветра и опять перевела взгляд на подружку:

– Позвони ему и спроси. – Как это – позвонить? А что я ему скажу? «Здрасте, ты почему решаешь, где мне практику проходить»? Или что? – Ну да, так и спроси. Или ещё что-нибудь. Например, как у него дела, скажи, что его брат к тебе приходил, что говорил. И спроси, правда ли это. – Да глупо как-то, – Серафима выглядела сбитой с толку от того, что можно так легко и прямо разрешить все её сомнения. – Нет, я так не могу! – алевшие щёки были ярким тому примером. Серафима стеснялась загадочного и почти незнакомого ей однокурсника. – Да и телефона его у меня нет.

Машка с сочувствием вздохнула: – Хочешь, я ему позвоню? – Ты?! А как? У тебя, что, его, телефон есть? – Ну да, есть. Он же староста курса. Ты что, забыла? У меня вообще телефоны всего курса есть, если что. – Ой, нет, не надо! Или позвони А что ты ему скажешь? А если он скажет: «Ну, вот, разболтала», а? Ой, не звони! Не надо!

Порыв ветра распахнул окно и дверь в лавку, бусы, развешанные тут и там, зазвенели, камни в драгоценных оправках хищно сверкнули, даже старинная касса жалобно тренькнула западавшей клавишей. Машка вскочила, захлопнула окно, повернув шпингалет, затем закрыла дверь в лавку.

– Надо же, дождь собирается, – девушка тревожно глянула в окно. – Вон тучи набежали. А вроде ничего не предвещало. Я думала, мы на пляж с тобой ещё сбегаете искупаться. А то учебка начнется – не до этого будет!

Машка, как человек деятельный, не могла долго релаксировать. Её внутренняя энергия требовала выхода. Слегка подскочив и подняв руки, она сделала колесо, потом стойку на руках. Болтая в воздухе полосатыми ногами, прошла на руках вокруг сидевшей Серафимы.

– Ну что, звонить? Я могу про тебя вообще ничего не спрашивать. Узнаю, например, когда сбор или спрошу про расписание на первый день, или ещё что-нибудь.

Машка приняла привычное положение, когда голова находится вверху, а ноги внизу, и села напротив Серафимы, взяв телефон на изготовку.

– Звони, – обреченно проговорила Серафима и вздохнула.

Машуня, потыкав пальцем в кнопки телефона, включила громкую связь, приложив палец к губам и призывая Серафиму сидеть тихо. «Абонент временно недоступен» – механический голос автоответчика развеял все сомнения подружек. – Как всегда, – казалось, Машка вообще не удивилась. – Пошли на пляж, попозже ещё позвоним.

Девушки, проделав необходимые манипуляции с сигнализацией, закрыли лавку и убежали наслаждаться остатком летней свободы. День близился к завершению, но солнце светило

ярко, и жара ещё пару часов не собиралась сдавать своих позиций. 3.«Маруся, вечером навести старого больного человека. Таки есть серьезный разговор» – Машка пробежала глазами сообщение и глубоко вздохнула. Сообщение было от дедули. Дед Василий отличался специфическим юмором, больше характерным для коренного одессита, держащего маленький ломбард на Дерибасовской. Однако последние слова говорили о том, что им с дедом есть, что обсудить, помимо его здоровья.

Пять минут назад она распрощалась со своей лучшей подружкой, вдоволь наговорившись с ней и накупавшись в реке. На пляже девушки не вспоминали о разговоре в лавке. Обсуждая грядущее начало учебы и одноклассников, они старательно обходили дневную тему. От произошедшего с Серафимой веяло какой-то тайной, и девушкам казалось, что так оно и должно остаться до поры до времени. Тем более, что первый спонтанный порыв позвонить Стасу Вселенная не услышала. А значит, так тому и быть. Впрочем, каждая из подруг обходила эту тему по своим собственным мотивам.

Машка забежала на полчаса домой, в небольшую уютную квартирку, где они жили с мамой и отцом. Приняла душ, переделалась в простую белую футболку, синие джинсы, и, не удержавшись, в самый последний момент повесила на шею бусы из розовых перламутровых ракушек. Вьющиеся от природы темно-каштановые волосы она освободила от разноцветных резинок, и они пышной копной покрыли голову и плечи. Девушка, смотревшая на Машку из зеркала, ничем не напоминала ни Пеппи Длинныйчулок, ни ярмарочного скомороха, ни анимешную гномку из известной компьютерной игры. Большие фиалковые глаза, обрамленные густыми ресницами, смотрели спокойно и серьезно, а ямочки сбежали со щек, прихватив с собой и веснушки. Машка еще раз глянула в зеркало, подмигнула самой себе, на миг вернув всех беглецов – и ямочки, и веснушки, и вышла из квартиры.

Её путь лежал на Центральный рынок, обратно в ювелирную лавку. Солнце, утомившись за день, благополучно скрылось за горизонтом, лиловые сумерки опустились на город, смягчив тени и спрятав контрасты. Все казалось таинственно зыбким, бесцветно-серым. Ночь еще не вступила в свои права, и город спешил доделать дневные дела, насладиться вечерним отдыхом и последними каплями света уходящего дня. Ветерок принес с озера прохладу и аромат ночных фиалок.

Машка любила это время. Ей казалось, что именно в эти минуты случаются настоящие чудеса. Например, из-за поворота может вывернуть единорог, а в кустах притаится кикимора, которую солнечный свет застал далеко от родного болота и заставил весь день притворяться засохшим кустом. Фантазируя, девушка незаметно дошла до ажурных кованых рыночных ворот. Поперек прохода лежал в теплой пыли громадный рыжий с чернью пес. Псиная дремала, но уши чутко поворачивались на каждый звук, а приоткрытый карий глаз внимательно наблюдал за округой. Увидев Машку, пес сел, наострил уши-конвертики, подняв их насколько мог, и стал усиленно подметать хвостом дорожную пыль.

– Буран, Буранчик! – Машка присела перед псиной, потрепав обеими руками пса за мохнатые уши. – Меня ждешь? Ну, пойдём!

Буран вскочил, отряхнулся, подняв облако пыли, и размеренно потрусил на шаг впереди девушки.

Ювелирная мастерская была погружена в темноту, и только слабый свет, отражавшийся в разноцветной витражной двери, говорил о том, что там кто-то есть. Машка толкнула дверь и вошла в лавку.

Дедушка Василий появился из-за тяжелого занавеса и поманил внуку рукой. – Дверь запри, Маруся. И проходи в кабинет.

Маша молча выполнила все указания деда. Даже шторку на маленьком окне поправила. Буран остался за порогом, растворившись в сгущающейся тени лавки. Кабинет главы семьи был небольшим. Большую часть комнаты занимал огромный дубовый стол со множеством ящиков

и ящичков, непременно с несколькими тайными, со столешницей, отполированной до зеркального блеска, середина которой была затянута темно-синим сукном. Этот раритет был таким же древним, как и касса в торговом зале. Но, как и дед Василий, несмотря на почтенный возраст, стол был полон сил и энергии. По крайней мере, не собирался разваливаться еще в ближайшие двести-триста лет. Под стать столу было и кресло. Даже не кресло, а трон. Трон горного короля. Высокая резная спинка придавала ему величественный вид, подлокотники в виде двух топоров создавали ощущение стабильности и незыблемости этого предмета мебели. Темное, почти вишневое дерево было гладким, шелковистым и теплым на ощупь. Но Машка знала, что сидеть на нем мог только дед или какая-нибудь королева Елизавета. Резной орнамент листьями и цветами нещадно впивался в спину, не позволяя расслабиться, заставляя не сидеть, а восседать – ровно, с прямой спиной. А жесткое деревянное сиденье без намека на анатомические изгибы, не оставляло ни единого шанса геморрою.

Поэтому Маша оставила трон его владельцу, а сама с комфортом расположилась в одном из двух кресел, стоявших перед столом. Эти кресла, казалось, попали сюда по ошибке. Глубокие, мягкие, они пахли кофе, кожей и воском. Машка нырнула в кожаные глубины кресла, положила руки на высокие, вровень с плечами, подлокотники, и вздохнула:

– Хорошо здесь у тебя, дедуль! – обвела взглядом книжные шкафы, стоящие вдоль стен, пересчитала нефритовых слоников на столе – их, как всегда, было ровно двенадцать, погладила пальцем спинку самого маленького. – О чем ты хотел поговорить, дедуль?

– Мария, к тебе сегодня приходила твоя подруга? – против обыкновения, дед Василий сел не на свое место за столом, а опустился в кресло напротив Машки. Синие глаза внимательно смотрели на девушку из-под кустистых бровей.

– Приходила, дедуль. А что?– Музыку ветра видела?– Ну, видела. Понравилась она ей очень. Представляешь, она так приятно звенела. Сколько я ее ни трогала, она так никогда не звенела. – Машка замерла на мгновение, потом внимательно глянула на деда, – ты думаешь... да ну нет, дед! Это ж Серафима!

Дед Василий глубоко вздохнул, покачал головой, встал, обошел стол, сел на свой трон и волшебным образом преобразился, словно став выше, шире в плечах, даже, кажется, моложе. Перед Машкой сидел мудрый правитель, сильный, властный и справедливый. Не хватало только золотого обруча или короны, усыпанной алмазами и рубинами. Но Машка могла ругаться, что, скорее всего, дед хранит ее в одном из секретных ящичков своего стола.

– А твоя Серафима ничего тебе не рассказывала необычного?

– Дед! Откуда ты знаешь? Рассказывала. Но тут пока ничего не понятно. – Машка помолчала, собираясь с мыслями. – Знаешь, с нами учится один парень Стас. Ой, дедушка, это наши, девчачьи разговоры. Зачем они тебе?

– И все-таки, внучка, расскажи. Уважь старика. Хочешь чаю?

– Я налью! – Машка вскочила и побежала в кладовку, где, помимо лоскутного одеяла и подушек, была оборудована маленькая кухня – чайник, микроволновка и шкафчик с чайными принадлежностями. Заварив крепкий черный чай и разлив его по стаканам в настоящих латунных подстаканниках, Машка вернулась в кабинет с круглым жостовским подносом. На подносе, кроме чая, стояли блюдце с тонко нарезанным лимоном и вазочка с карамельными подушечками – любимыми конфетами деда.

Под ароматный чай с конфетами Машка незаметно рассказала деду Василию всю историю и предисторию с прологом и эпилогом. Про Стаса, про его молчаливое внимание к Серафиме, про Серафиму, про ее стеснительность, про загадочные вчерашние события и странный Серафимин сон.

– Только ты, дедушка, никому не говори! А то Серафима скажет, что я болтушка! – Машка сказала это просто для порядка, чтобы как-то закончить рассказ. Она прекрасно знала,

что деду можно рассказать что угодно, он сохранит разговор в тайне, даже, если он ничего важного не представляет.

Дед Василий слушал внимательно, не прерывая внучку. Иногда казалось, что он не слышит ее, а думает о чем-то своем. Но его сосредоточенный острый взгляд говорил об обратном. Ни одно слово не пролетело мимо его ушей.

– Маша, расскажи мне про того парня на мотоцикле. – Просьба деда была настолько неожиданна, что Машка зависла на пару секунд.

– Какого парня?

– Который с другого курса. Влад, кажется?

Несколько мгновений Машка соображала, когда она деду про него лягнула, но не вспомнила.

– Да нечего рассказывать – ездит и ездит. Мы ему до лампочки. Он же на два курса старше. Просто Серафима на него иногда заглядывается. Ну, он и правда – Машка опять запнулась – импозантный. А так – ничего особенного. Напыщенный хлыщ.

Дед Василий пристально посмотрел на любимую внучку, и, поняв, что больше ничего определенного от нее не добьется, вздохнул.

– Мария, твой дед много пережил и много чего повидал на своем веку. И я прошу, послушай, что я скажу. Твоя подруга – хороший человек. Ее надо беречь. Она очень важна для Равновесия. Ты должна быть рядом с ней, чтобы ни случилось. Думаю, тебе тоже надо идти на практику в эту школу. Наблюдай за этим парнем, Стасом. Ему можно доверять, но не спеши, присмотришься повнимательнее. И держитесь подальше от Влада. Он – не самая хорошая компания для двух юных девушек.

Дед Василий помолчал, размышляя, сообщить Машке то, что собирался, или обойтись намеками.

– Маруся, я был сегодня в Совете Волхвов. Они сказали, клан Ворона активизировался. Что-то надвигается. Воронье к чему-то готовится, и твои друзья, боюсь, входят в их планы. А этого мы не должны допустить ни в коем случае.

Еще некоторое время дед и внучка заговорщицки шептались, затем в лавке все стихло. Погас свет, пробивавшийся сквозь витражи входной двери, лавка погрузилась во тьму. Буран, почуяв, что ему больше некого охранять, поднялся и потрусил к воротам рынка сторожить основной объект. Машка, впрочем, вовсе не растворилась в воздухе. После разговора с дедом Василием она вышла из лавки не через рынок, а черным ходом через дедов дом, вплотную примыкавший к задней стене лавки. Пашка уже ждал ее в своем УАЗике. Внедорожник резво подкинул Машку до дома и, лихо дрифтанув на развороте, поднял клубы пыли и унесся в ночной сумрак старого города. ****Остаток лета пролетел незаметно и как-то очень спокойно. До самого последнего дня августа погода стояла по-июльски жаркая, и молодежь на полную катушку использовала эти уходящие дни свободы, проводя время на пляже, или в парке в тени деревьев. Серафима постепенно успокоилась и уже не думала каждую минуту о тех непонятных событиях, списав все на случайности и совпадения. Машка неожиданно принесла ей прямо домой подарок – музыку ветра, увиденную накануне в лавке – тоненькие серебряные трубочки, деревянные лодочки, ракушки и голубые камешки – все это чудесным образом идеально вписалось в интерьер Серафиминой комнаты. Солнечный свет, встречаясь с трубочками и камешками, наполнял комнату голубыми бликами, делая ее похожей на апартаменты то ли воздушной, то ли морской царевны. Повинуясь атмосфере, которую создавала музыка ветра, подруги с упоением зависли над мультиком «Песнь моря». Это нежное, романтическое настроение сохранилось у них вплоть до конца каникул и начала учебы в институте. Машка теперь почти не отходила от подруги, однако это не тяготило ни одну ни другую девушку. Они проводили дни на речке, гуляли с Мартой по парку, либо вместе дежурили в ювелирной лавке. Машка научила Серафиму плести фенечки – голубые, зеленые, красные и желтые, с камнями и из бисера,

вплетая туда кружево и ленты, или просто из шерстяных ниток бабушкиного носка. Легкий Машкин характер и природная деликатность Серафимы отлично дополняли друг друга. Серафима знала, что никто другой не сможет так внимательно выслушать и так же легко убрать печаль, предложить выход или дать совет, вовсе не настаивая на его исполнении, как Машка. А Мария, хотя и держала в уме наставления деда, от души наслаждалась обществом подруги. Ей было интересно наблюдать за юной волшебницей, видеть, как иногда прорывается ее сила и удивляться этому чуду, происходящему у нее на глазах. Гарику по самую макушку погрузился в озорные мальчишеские шалости, днем в речке ловя раков по норкам, а по вечерам совершая набеги на сад, который бдительно охранял сосед дядя Леша. Дядя Леша с такой же детской непосредственностью выслеживал босоногих воришек, с какой они тырили у него антоновку. Эта игра в «казаков-разбойников», похоже, нравилась обеим сторонам. И обе стороны маниакально исполняли свои роли - одни лазали в запретный сад, а другой с палкой (вместо ружья) наперевес «выслеживал» налетчиков, не забывая смотреть в другую сторону, когда замечал свисающие с дерева чьи-то заскорузлые и не всегда чистые пятки. Потом, по сценарию, дядя Леша «обнаруживал» непрошенных гостей и громко кричал «А ну пошли отседова, ироды! Родителям все расскажу! Поймаю - ноги-руки повыдергиваю! Геть отседова!», а пацаны с визгом или бесшумно, как стая воробьев (все зависело от ситуации и настроения), перемахивали через забор, роняя по пути ароматную добычу. Однако еще ни одного пацана он так и не поймал и никому из родителей не пожаловался. Стас все дни проводил в спортзале у Антона Сергеевича либо в гараже, разбирая и чиня одному ему известные механизмы. С завидной регулярностью его «клиентами» становились местные велики, пострадавшие в уличных гонках своих малолетних хозяев. Чинил он их быстро, аккуратно, и с видимым удовольствием. А ребятня завидовала Гарику, что у него есть такой «мировой братан». О недавних событиях, казалось, уже ничего не напоминало. Лишь время от времени молодой человек отрывался от очередного поломашки и бросал быстрый внимательный взгляд на ветки деревьев, окружавших дом и двор. По вечерам, уже в сумерках, словно гуляя перед сном, обходил двор по периметру, задерживаясь иногда то тут, то там. А когда двор освещала луна, в ее холодном свете призрачно светилась на кустах тонкая серебристая паутинка, узор которой словно складывался в причудливые не то письмена, не то знаки. Так Стас защищал периметр своего двора от непрошенных гостей. Впрочем, для рядового человека - мальчишки, славно занывавшегося от товарищей в кустах во время прятков, или нетрезвого горожанина, случайно завернувшего во двор - это и была самая обыкновенная паутина. Ставить эту защиту его научил Антон Сергеевич после того самого случая. И теперь Стас тренировался наносить защитные руны, восстанавливать их и читать следы, которые оставляли те, кто задевал их. За десять дней он научился отличать след, оставленный на рунах крылом бабочки или воробья, от следа, оставленного вороньими перьями. В этом случае в воздухе едва отчетливо пахло тухлым мясом, и руны словно поддерживались плесенью. Иногда перед самым сном юноша словно приоткрывал маленькую дверцу в своей душе, и тогда в нее просачивались воспоминания о хрупкой девушке, пахнущей мятой и свежескошенной травой. И почему-то сразу раздавался тонкий, на грани слуха, мелодичный звон - словно деревянные лодочки стучались о тонкие металлические трубочки, в которых пел свою песню ветер. Так пролетели последние летние дни. И были они затишьем перед бурей.